

УДК-504.03(904)

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ УФИМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

©2011 Р.М. Сатаев¹, Л.В. Сатаева², В.В. Куфтерин¹, Д.О. Гимранов¹, Р.Р. Султанов³

¹ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа

²ГОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет», г. Уфа

³НИЦ «Наследие», г. Уфа

Поступила 27.06.2011

Настоящее исследование посвящено анализу особенностей природопользования средневекового населения Уфимского полуострова, основанного на результатах биоархеологических исследованиях, проведенных на городище Уфа-II.

Ключевые слова: *природопользование, средневековое население, Уфимский полуостров, городище Уфа-II.*

Природопользование является одной из основных форм взаимоотношений общества с природной средой, при этом не только обязательным условием жизни общества, но и фактором, определяющим характер трансформации природных ландшафтов. Изучение процесса природопользования в пространстве и времени невозможно без знания его характеристик на отдельных этапах развития общества. Источником же такой информации являются как письменные (летописные, архивные) данные, так и материальные (археологические) свидетельства, включающие и разнообразный естественно-научный материал.

Целью нашего исследования являлось выяснение особенностей природопользования средневекового населения Уфимского полуострова на основании изучения биоархеологических материалов из раскопок городища Уфа-II. Изученный непосредственно авторами материал происходит в основном из раскопок 2007-2008 гг. и включает растительные остатки, кости млекопитающих, птиц, рыб, раковины моллюсков, изделия из кости.

Уфимский полуостров образован слиянием р. Белой и р. Уфы и занимает территорию исторической части современной столицы РБ. Здесь выявлены многочисленные археологические памятники, среди которых Уфа-II выделяется своими масштабами и степенью изученности. Предполагается, что Уфа-II являлась центром большого средневекового города, который объединял целый ряд примыкающих к нему городищ, населенных родственным населением [1].

Памятник был открыт в 1953 г. в южной части г. Уфы. Первые раскопки проводились археологами республиканского краеведческого музея (Национальный музей РБ). Работы по изучению памятника были возобновлены в 2006 г. под руководством Н.А. Мажитова и Ф.А. Сунгатова.

Время функционирования городища авторами последних раскопок определяется в широких пределах с IV по XV вв. [1]. Мощност и характер залегания культурных отложений позволяют говорить, что весь период существования городища оно было обитаемо [1]. Учитывая центральное положение памятника, его особый статус, площадь раскопок, можно говорить, что результаты анализа материалов, полученных при его исследовании, распространяются на Уфимский полуостров в целом. Нужно отметить, что хотя городище в разное время, сменяя друг друга, населяли представители целого ряда археологических культур, в данной работе материал обсуждается в целом, без разделения на узкие временные этапы. Последнее обусловлено нечеткостью границ между горизонтами, оставленными разными культурами и слабо выраженными вертикальными (временными) различиями исследуемого материала.

Существование городища приходится на середину субатлантической фазы по шкале Блитта-Сернандера. Субатлантический этап в Приуралье начинается с заметного похолодания, когда среднегодовая температура стала ниже современной на 1,5⁰С, а количество осадков увеличилось на 25 мм. Похолодание сменилось раннесубатлантическим потеплением, в максимум которого среднегодовые температуры были выше современных на 0,5-1⁰С, количество осадков достигло современного уровня. Абсолютная датировка 1920±170 лет назад отмечает время конца теплого периода [2]. В субатлантический период отмечаются два заметных повышения температуры, сменяющиеся похолоданиями, когда среднегодовая температура была ниже настоящей на 1,5⁰С, а количество осадков несколько превышало современные показатели. Во время потепления, максимум которого отмечается около 1000 лет назад, температуры превышали современные на 0,5⁰С, осадков выпадало больше.

Позднее этого времени климат стал холоднее, что связано с наступлением так называемого «малого ледникового периода». Среднегодовая температура стала ниже на 2⁰С, количество осадков увеличилось на 50 мм больше современного уровня.

Сатаев Роберт Мидхатович, канд. биол. наук, e-mail: gov-sataev@yandex.ru; *Сатаева Лилия Вакиловна*, канд. биол. наук, e-mail: lvsataeva@mail.ru; *Куфтерин Владимир Владимирович*, e-mail: vladimirkufferin@mail.ru; *Гимранов Дмитрий Олегович*, e-mail: djulfa250@rambler.ru; *Султанов Рашиат Рашиатович*, e-mail: rashitlab@rambler.ru

Возрастание роли широколиственных древесных пород в сосново-еловых лесах во время потеплений, сменялось увеличением количества берез при похолоданиях. Потепление с максимумом около 1000 лет назад привело к увеличению в составе смешанных лесов роли широколиственных пород, главным образом липы. Последнее заметное похолодание, отмечаемое около 500 лет назад, существенно не повлияло на характер растительности, хотя в это время отмечается некоторое расширение лесостепных пространств и возрастание роли ксерофитной растительности. Изучение отложений, сформировавшихся на территории памятника, показывает, что они образовались в условиях наличия водных ресурсов на плодородной черноземной почве [5].

В ходе раскопок городища были обнаружены многочисленные истлевшие фрагменты древесины. Идентифицированные нами древесные остатки, являющиеся, по-видимому, частями конструкций или сооружений принадлежат дубу (*Quercus sp.*) и березе (*Betula sp.*). Культурные формы растений не выявлены. В хозяйственных ямах были найдены локальные скопления растительных остатков, кото-

рые представляли собой пласты слежавшихся и сцементированных породой мелких семян растений. Проведенный анализ показал, что все изученные образцы включают исключительно семена мари белой (*Chenopodium album*). Случаи встречи скоплений семян мари белой отмечались археологами и ранее и интерпретировались как пищевые запасы. Семена мари содержат большое количество белка (до 19%) и масла (до 5%). В Гималаях и в настоящее время местное население возделывает мари белую и стенную в качестве хлебного растения. В Европе и Азии в голодные годы население неизменно прибегало к мари и лебеду как заменителю хлеба и крупы. Но семена маревых содержат сапонин, придающий горечь, поэтому их необходимо вымачивать перед употреблением. В народных промыслах маревые использовались в качестве красителей для тканей и кож (мари белая – красная краска для кож, мари зловонная – стойкая желтая, лебеда садовая – синяя краска), а также источников получения соды и поташа. Можно предположить, что мари целенаправленно культивировалась населением городища.

Таблица. Видовой и количественный состав млекопитающих из раскопок средневекового городища Уфа II

Виды	Раскопки 2007 г.		Раскопки 2008 г.		
	Количество остатков	В % к определенным остаткам	Количество остатков	В % к определенным остаткам	
Домашние млекопитающие					
КРС	12433	35,4	7744	23,9	
Овца	255	44,3	1619	31,2	
Коза	7		17		
МРС	15322		8445		
Свинья	1371	3,9	2840	8,8	
Верблюд	8		44	0,13	
Лошадь	14425	41,1	11640	35,9	
Осел	2		1		
Собака	57		10		
Кошка	20				
Всего	43900		32360		
Дикие млекопитающие					
Зяц	4	0,18	0	0,22	
Сурок	15		7		
Суслик	3		0		
Бобр	9		21		
Волк	1		0		
Лисица	9		0		
Бурый медведь	14		10		
Куница	2		0		
Лось	4		27		
Косуля	1		0		
Благородный олень	4		0		
Сайгак	1		6		
Всего:	67				71

Основную информацию об особенностях охоты и животноводства населения несут костные остатки животных, обнаруженные на памятнике в массовом количестве. Даже с учетом выборочности, изученная коллекция костей млекопитающих составляет 106625, из которых до вида и рода идентифицировано 76398 костей, птица представлена 64 костями, рыба – 152 костями. Преобладающая масса костей является пищевыми отходами и характеризует, в первую очередь, состав забитых и добытых животных.

Кости млекопитающих принадлежат 9 домашним и 12 диким видам (табл.).

Видовой состав животных по площади и глубине раскопа изменяется незначительно, различия касаются в основном редких и единичных находок остатков диких видов или малочисленных домашних животных (верблюд, осел, собака).

По количеству костей (обобщенные данные за 2 года исследований) на памятнике доминирует лошадь – 34,2%, на втором месте по численности мелкий рогатый скот – 33,6%, на третьем – крупный рогатый скот – 26,4%, на кости свиней приходится только 5,5%. Однако, в процентах к общему объему мясной продукции на лошадь приходится 47,5%, на КРС – 36,8%, на МРС – 9,3%, на свинью – 6,2%. Поэтому основу мясного рациона жителей городища составляли конина и говядина. При этом лошадь являлась главным источником мяса для населения.

Кости в значительной степени фрагментированы, при этом показатели раздробленности несколько изменяются с глубиной. Как уже отмечалось выше, основная масса костных остатков является кухонными отходами, что является характерным для жилых участков. Сильная раздробленность костей, когда раскалывались и дробились (для извлечения костного мозга) даже малоценные в пищевом отношении отделы туши (метаподии, фаланги), может указывать на стратегию глубокой пищевой утилизации мясных продуктов. Учитывая объем мясной продукции, это скорее связано со стратегией «гурманов», чем с ограниченностью пищевых ресурсов. В материале хорошо представлены все отделы скелета (встречены даже плохо сохраняющиеся элементы подъязычного аппарата и элементы грудины). Это позволяет говорить о разделке туш животных в пределах изученных площадей.

К видам нехарактерным для традиционного животноводства лесостепной зоны относятся верблюд и домашний осел. Крайняя малочисленность их остатков указывает на то, что эти животные не содержались на поселении, и, вероятнее всего, попали сюда с торговыми караванами из Прикаспийского региона или Средней Азии. Малочисленность остатков собак (разрозненные и относительно немногочисленные находки) связана с характером накопления основной массы костей, которые представляют собой пищевые отходы. Поэтому выяв-

ленные в материале кости домашней собаки являются случайными. Кошка, по всей видимости, не содержалась жителями городища, находки ее костей приурочены к самому верхнему слою и относятся к позднему времени.

Стоит кратко рассмотреть возрастной состав забитого на мясо скота. Кроме нижних челюстей животных, по которым традиционно выделяются возрастные группы, для анализа возрастной структуры мы привлекали данные по состоянию эпифизарных отделов костей. Среди мелкого рогатого скота резко преобладают животные до года (70%), взрослые животные, старше 3,5 лет, составляют чуть более 1%. Основная масса костей свиньи принадлежит животным до 1,5 лет (98%). Среди крупного рогатого скота животные старше 3 лет составляют всего 15%. Среди лошадей преобладают животные старше 4 лет (81%), животные от 1 года до 4 лет составляют 17,2%, до года – лишь 1,8%. Из этого следует, что направления хозяйственного использования для разных видов скота заметно различались. Мелкий рогатый скот и свиньи использовались на мясо. Вероятнее всего, этих животных не разводили и длительно не содержали на самом городище, а получали от населения сателлитных поселений. Содержание крупного рогатого скота имело мясо-молочное направление. Часть животных держали для получения молока. Кроме использования в качестве верхового и вьючного животного лошадь в разном возрасте забивали на мясо. В целом, содержание скота, по-видимому, имело придомно-отгонный характер, обусловленный наличием обширных луговых пространств.

На дикие виды в совокупности приходится чуть более 0,18% остатков, что на первый взгляд позволяет сделать вывод о крайней незначительности роли охоты в жизни населения городища. При этом обращает на себя внимание сравнительно широкий спектр встреченных на памятнике диких животных (таблица). Среди них хорошо выделяются две основные группы промысловых видов – добываемые преимущественно для получения мяса (заяц, лось, косуля, благородный олень), дикая птица и добываемые преимущественно из-за меха (сурок, бобр, лисица, медведь, куница). Вполне вероятно, что мясо сурка, бобра и медведя также входило в рацион жителей городища. Это свидетельствует о том, что охота не была случайным явлением, поскольку добыча выше перечисленных видов требовала использования разных охотничьих стратегий и приемов, а в некоторых случаях организованных действий.

Кости диких животных различаются между собой по составу сохранившихся элементов скелета и степени утилизации. Так, от парнокопытных (лося, благородного оленя и косули) происходят лишь сильно фрагментированные кости черепа, нижних челюстей, конечностей, а также произведенные из рога изделия (или заготовки изделий). Т.е., за исключением рога, мы можем говорить о типичной

пищевой направленности использования туш животных. Остатки бурого медведя представлены раздробленными длинными костями конечностей (мясные куски), зубами и костями дистальных отделов конечностей (кости запястья и запясны, метаподии, фаланги, зубы). Часто встречаемые изделия из рога диких копытных, обработанные клыки и элементы «медвежьих лап» указывают на то, что охота велась не только из-за мяса, но и для получения специфических, и, по-видимому, высоко ценившихся продуктов (рога служили как косторезное сырье, клыки и лапы играли роль амулетов и оберегов).

Можно предположить, что заметное место в экономике городища играла добыча пушного зверя и торговля пушниной. В материале из раскопок выявлены все основные виды пушных зверей, встречавшихся в окружающих памятник природных ландшафтах (не обнаружены лишь кости белки). Малое количество костей пушных зверей, вероятнее всего, связано с несколькими причинами. При охоте на удаленных от городища участках, разделка промысловых животных происходила на месте их добычи, а в город доставлялись преимущественно шкурки. Такое заключение основывается на открытиях в горно-лесной зоне охотничьих стоянок (грот Атыш, пещера Подпорная и др.), в целом синхронных обсуждаемому памятнику, где выявлены крупные скопления костей промысловых видов – результат их разделки. При этом даже тушки, разделанные на городище, скорее всего, скармливались собакам (что практикуется у охотников и в настоящее время). Кроме того, кости мелких животных при стандартной методике раскопок выявляются значительно хуже, в чем мы неоднократно убеждались на собственном опыте.

Примечательно, что среди костей диких видов встречены остатки сайгака. Однако говорить об охоте на эту антилопу не позволяет состав находок, поскольку она представлена в материале только роговыми стержнями, другие кости не обнаружены. Все изученные нами роговые стержни сайгака обрублены у основания, что говорит о целенаправленном отделении их от черепа. Наиболее вероятным объяснением появления рогов сайгака на городище является их импорт из более южных регионов. Общеизвестно, что рога сайгака традиционно использовались в косторезном деле и в восточной медицине.

Кости птиц малочисленны, что, видимо, связано, как с особенностями самих костей, так и с вышеупомянутыми тафономическими причинами. Среди идентифицированных остатков птиц домашние формы не встречены. Определимые кости принадлежат серой утке (*Anas strepera*), серому гусю (*Anser anser*), тетереву (*Lyrurus tetrix*), что свидетельствует об охоте на дикую птицу.

О рыболовстве населения городища свидетельствуют находки костей рыб. Изученные остатки рыб представлены костями черепа и посткраниаль-

ным скелетом, который включает позвонки, их остистые отростки, ребра и лучи плавников. Все остатки принадлежат крупным особям. В имеющемся материале полностью отсутствует чешуя, что может быть следствием избирательного отбора материала при котором мелкие фрагменты и чешуя попадали в отвал. Возможно, что рыбу чистили в другом месте, например на берегу реки. В ходе раскопок 2007-2008 гг. были выявлены кости щуки (*Esox lucius*), сома (*Silurus glanis*) и осетровых рыб (*Acipenser sp.*). Материал ранних раскопок дает лучшее представление о составе улова, в нем обнаружены также кости тайменя (*Hucho taimen*), голавля (*Leuciscus cephalus*) и сазана (*Caprinus carpio*) [4].

Створки раковин моллюсков, обнаруженные на памятнике, принадлежат обыкновенной перловице (*Unio pictorum*). Вероятнее всего, что раковины использовались как сырье для изготовления различных бытовых изделий.

О широкой охотничьей практике жителей также городища свидетельствуют обнаруженные здесь в значительном количестве костяные наконечники стрел различных размеров (от 4 до 15 см). Несмотря на кажущееся разнообразие костяных наконечников, большая их часть имеет ромбовидную форму и сравнительно узкое перо, что в принципе отличает их от боевых наконечников с отличающихся широким пером. Так, согласно этнографическим наблюдениям С.И. Руденко [3], для охоты башкиры пользовались железными или костяными наконечниками лавролистной и ромбической формы, боевые же наконечники стрел были широколопастные. На этом основании можно интерпретировать все костяные наконечники, происходящие с памятника, как охотничьи, а их внутреннее разнообразие связать с использованием для охоты на разную дичь. В целом, приведенные выше аргументы позволяют говорить, что охота у жителей городища имела хорошо выраженную промысловую направленность и являлась неотъемлемой частью хозяйственного уклада.

Кроме основной своей продукции – мяса, молока, шкур, физической силы, забиваемые животные являлись источником кости – широко используемого на городище технического сырья. Нужно добавить, что большую часть артефактов происходящих из раскопок городища составляют именно костяные орудия. Кроме костяных наконечников стрел из кости делались пластинчатые накладки на лук, пряжки, пуговицы, прялки, рубила, остроконечники, шилья, астрагалы (предположительно игральные или гадальные кости). Некоторые кости имеют следы заработанности, но не оформлены в виде типичных изделий (например, проколки из грифельных костей лошади). Подобная обработка кости отличается минимальными затратами труда и времени на изготовление изделия, что обусловлено доступностью и обилием исходного сырья и недолговечностью самих костяных изделий. Такое ору-

дие после использования, скорее всего, сразу выбрасывалось, поэтому проколки на памятнике представлены в значительном количестве. Материалом для производства проколов служили грифельные кости лошади, остроконечников – нижние челюсти, метаподии и берцовые кости коров и лошадей, наконечников – лучевые, берцовые кости и метаподии, бляшек и пуговиц – нижние челюсти, тазовые и берцовые кости, ребра, накладок на лук – ребра и лучевые кости. Основная масса костяных изделий производилась из костей крупного рогатого скота и лошади. Исключение составляют так называемые игральные кости, изготовленные из астрагалов мелкого рогатого скота. Изъятие определенных костей и фрагментов для изготовления орудий происходило по мере необходимости населения. Полученные данные показывают, что производство костяных изделий не было централизовано и специализировано. Изготовление простых подручных костяных орудий широко практиковалась в быту жителей городища.

В целом, изученный материал позволяет сделать следующие выводы: средневековое население Уфимского полуострова практиковало как производящие, так и присваивающие формы хозяйства (охота и рыболовство), основным видом произво-

дящего хозяйства являлось животноводство, земледелие находилось в зачаточном состоянии; широкий видовой состав разводимых животных был обусловлен наличием соответствующей кормовой базы – обширными луговыми пространствами; природопользование преимущественно было направлено на использование естественных биологических ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н.* Сокровища древней Уфы. Уфа, 2008. 112 с.
2. *Немкова В.К., Климанов В.А.* Характеристики климата Башкирского Предуралья в голоцене // Некоторые вопросы биоистратиграфии, палеомагнетизма и тектоники кайнозоя Предуралья. Уфа, 1988. С. 65-71.
3. *Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
4. *Сатаев Р.М., Нурмухаметов И.М.* Остатки млекопитающих и рыб из раскопок средневекового городища Уфа II // Древность и средневековье Волго-Камья: Материалы III Халиковских чтений. Казань-Болгар, 2004. С. 174-176.
5. *Сулейманов Р.Р.* Характеристика почвенного покрова городища Уфа-II // Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Саттаров Т.Р., Султанова А.Н. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2007 года. Т. II. Уфа, 2009. С. 204-208.

FEATURES OF NATURE MANAGEMENT OF THE MEDIEVAL POPULATION OF THE UFA PENINSULA

©2011 R.M. Sataev¹, L.V. Sataeva², V.V. Kufterin¹, D.O. Gimranov¹, R.R. Sultanov³

¹Bashkirian State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

²Bashkirian State Agrarian University, Ufa

³Scientific Research Centre "Heritage", Ufa

The present research is devoted the analysis of features of nature management of the medieval population of the Ufa peninsula based on results bioarchaeological researches, spent on a site of ancient settlement Ufa-II.

Key words: *nature management, the medieval population, the Ufa peninsula, a site of ancient settlement Ufa-II.*

Sataev Robert Midkhatovich, Candidate of Biology, e-mail: rob-sataev@yandex.ru; Sataeva Liliya Vackilovna, Candidate of Biology, e-mail: lvsataeva@mail.ru; Kufterin Vladimir Vladimirovich, e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; Gimranov Dmitry Olegovich, e-mail: djulfa250@rambler.ru; Sultanov Rashit Rishatovich, e-mail: rashitlab@rambler.ru